

Проект общего воссоединения униатов с православными в Российской империи: первоначальный план

Протоиерей Александр Романчук, кандидат богословия

История разрыва унии в пределах Российской империи в 1839 г. привлекала и привлекает внимание многих отечественных и зарубежных как церковных, так и светских исследователей. В их числе М. Коялович, И. Чистович, И. Наумович, Г. Киприанович, Н. Извеков, М. Морошкин, Г. Шавельский, Ю. Крачковский, М. Радван, В. Теплова, М. Носко, С. Морозова, Е. Филатова, Е. Миронович, Э. Ликовский и другие. Между тем нельзя сказать, что все аспекты этой темы получили достаточное освещение и на все заключающиеся в ней вопросы получены удовлетворительные ответы. Одной из проблем остается выявление и анализ планов, которые были положены в основание проекта общего воссоединения униатов. Их было два. Первый реализовывался в 1828-30 гг. Второй был предложен в 1832 г., но его приведение в действие имело место уже после Полоцкого собора 1839 г. Оба эти плана были тесно генетически связаны, однако довольно значительно отличались друг от друга некоторыми сторонами подхода к делу. Первоначальный план вызывает особый интерес, поскольку он являлся базовым и в нем в наибольшей степени отражены общие представления тех лиц, усилиями которых уния была разорвана.

Идея общего присоединения к Православию белорусских и украинских униатов в России целиком принадлежала молодому униатскому священнику – прелату Иосифу Семашко. До него ни представители российской высшей власти, ни православное духовенство не видели возможности для такого решительного шага. В царствование Александра I правительство, отвечая на требования униатского митрополита Ираклия Лисовского, лишь пыталось препятствовать латинскому прозелитизму и старалось помочь греко-католикам обустроить церковную жизнь в непривычных для них новых общественно-политических условиях. В первые годы правления Николая I наметилось стремление к полной интеграции приобретенных от Речи Посполитой территорий с остальной частью империи. На униатов взглянули с русской национальной точки зрения и попытались вернуть унии внешние черты Восточной Церкви, во многом ею к тому времени утраченные. Этот новый взгляд нашел отражение в указе от 9 октября 1827 г., направленном на очищение униатского богослужения от латинских наслоений. Но это было и все. О призыве униатов к Православию речи не шло. В целом же в первой трети XIX в. католики восточного обряда в правовом отношении не отделялись от католиков-латинян, их Высшее церковное управление было объединено с Высшим церковным управлением латинской церкви, и Православная Церковь не вела среди них миссии. Более того, в Российской империи «вероисповедание рассматривалось в качестве главного отличительного признака наций, этносов и этнических групп»^[1]. Согласно такому подходу униаты, как католики, пусть и восточного обряда, должны были относиться к полякам, независимо от их реальной этнической принадлежности. Многие в высшем российском обществе, мало знакомом с историей Западной Руси в составе Речи Посполитой, так и полагали, считая белорусско-литовские земли в религиозно-культурном и этническом отношении польской провинцией^[2]. Поэтому до появления Иосифа Семашко нельзя найти никаких документальных свидетельств о существовании целенаправленной антиуниатской конфессиональной политики Петербурга в Западных губерниях^[3].

Заявление о том, что уния может быть разорвана, содержится в записке прелата Иосифа от 5 ноября 1827 г. «О положении в России униатской церкви и средствах возратить оную на лоно Церкви Православной». В этом документе, кроме названия, ничего не говорится о разрыве союза с Римом. Из текста следует, что автор печется о восстановлении русских национальных черт унии и воспитании ее духовенства в лояльности к России. Здесь же он подсказывает правительству, какими мерами этого добиться. Может сложиться впечатление, словно в это время Иосиф Семашко вопрос об уничтожении унии не ставил, а речь шла лишь о восстановлении ее в первоначальном виде и ограждении униатов от польского влияния. Такие предположения неоднократно делались в исторической науке^[4]. С этим нельзя согласиться. С одной стороны, занимая в иерархии церкви невысокое положение, прелат Иосиф не мог внести прямое предложение изменить конфессиональную принадлежность полутораmillionной религиозной общины. Масштаб и щекотливость дела были слишком велики. В то же время его убеждения не позволяли ему быть приверженцем греко-

католицизма и предлагать что-либо для его сохранения^[5]. Представляется, что молодой священник просто сомневался в положительном ответе правительства и вуалировал свои настоящие стремления. Исходя из этих соображений, он просил «извинения у благосклонного начальства за смелость, может быть, слишком далеко простертую»^[6] и выражал надежду, что его защитят в случае утечки информации^[7]. С другой стороны, в документах 1828-30 гг., связанных с преобразованиями униатского церковного организма, замысел разрыва унии окончательно открывается, уточняется и детализируется, так что можно составить представление о плане, который Иосиф предполагал осуществить, и его конечной цели.

Анализ идеи воссоединения большинством исследователей, как правило, сводится к перечню церковно-административных предложений, содержащихся в записке «О положении в России униатской церкви...». Наиболее общую характеристику этого документа дал Г.Я. Киприанович. Он указал: 1) униатский вопрос был представлен перед правительством, как в религиозном, так и в политическом преломлении; 2) Иосиф увидел проблемы русской греко-католической церкви в общем, а не только с «одной социально-экономической стороны, как рассматривали его члены Брестского капитула в своих протестах и записках»^[8]. С мнением Киприановича можно и нужно согласиться. Самая заметная мысль, которая проводится в записке от 5 ноября 1827 г. состоит в том, что политический интерес империи заключается в теснейшем сплочении присоединенных от Польши территорий с Россией. При этом Семашко заявлял, что он искренне готов работать в этом направлении на его, так сказать, униатском участке. Однако его идеи были значительнее и глубже.

Из записки «О положении в России униатской церкви и средствах возвратить оную на лоно Церкви Православной» следует, что прелат Иосиф не только осознавал огромный масштаб и сложность предлагаемого им правительству дела, но и реалистично видел крайне слабые исходные позиции для его благополучного решения. Он откровенно указывал: в греко-католической церкви нет сил, стремящихся к Православию. Простой народ социально неразвит и подавлен крепостной зависимостью от помещиков-католиков. Он не может ориентироваться в религиозных вопросах, занимает страдательное положение и искусственно настраивается польской и полонизированной белорусской шляхтой против России. В таких условиях русский генетический код народа не может быть проявлен в полной мере и оформлен в конкретное религиозное народное движение. Униатские иерархия и монашество являются самыми активными проводниками латинизации и полонизации унии. Белое духовенство не является препятствием и постепенно все более участвует в этом направлении. Дело идет к растворению униатов в польском католицизме. Под российской властью эти тенденции, начавшиеся еще во времена Речи Посполитой, только усилились. «Итак, – предупреждал Иосиф, – не имеется уже почти никакой преграды совершенному соращению униатов к римскому обряду... довольно одного благоприятного случая, и полтора миллиона русских по крови и языку своему отчуждены будут навсегда от старших братьев своих»^[9]. Политические последствия такого развития ситуации были очевидны. В целом картина, нарисованная будущим архиереем-воссоединителем, не предоставляла Петербургу почвы для оптимизма. Однако сам Иосиф не видел ситуацию безнадежной, полагая только, что в сложившихся условиях «было бы безрассудно приступать, без приготовления, к возвращению униатов на лоно православия»^[10].

Мотив молодого греко-католического священника действовать в интересах разрыва церковного союза с Римом основывался на убеждении во вредности унии для исторического развития народов, имеющих русские православные корни. Его взгляд – это взгляд народный. Из общего контекста записки 1827 г. следует: побуждением Иосифа Семашко являлось то, что, согласно его представлениям, белорусские и украинские униаты составляли естественную часть русского народа. Их религиозный, культурный, политический и в целом исторический интерес совпадает с интересами всех русских и политическими задачами российского государства. Он полагал несовместимым с интересами белорусов и украинцев то, что в литургической практике унии искажается или просто отбрасывается Кирилло-Мефодиевское наследие – фундамент культуры и святых восточного славянства^[11]. В особенности его возмущало следующее: «В поучении народа, по большей части употребляется польский язык, для него невятный; я даже слышал, что по многим местам учат его самым важнейшим молитвам не сем языке»^[12]. Для него дико и несправедливо, что потомки русского православного народа «отторженных в смутные времена Литвой от России и после к Польше присоединенных областей»^[13] изменяют через унию этно-конфессиональную самоидентификацию. Они становятся католиками латинского обряда и «костельными поляками», оказываются религиозно, культурно и политически врагами единокровных братьев^[14]. Существование унии, через которую часть русского народа теряет членов, превращается в питательный материал для Польши, не может быть совместимо с этническим интересом белорусов и

украинцев. Поэтому Иосиф заявлял: «Я желал бы видеть полтора миллиона истинно русского народа, ежели не соединенным, то, по крайней мере, приближенным; ежели не совершенно дружным, то и не враждебным к старшим своим братьям; –видеть сей народ усердным к вере своих предков, к пользам своего отечества, к службе общего отца государя»[\[15\]](#).

Таким образом, будущий Литовский архипастырь не просто в общем, не только с религиозно-политической и социально-экономической точки зрения взглянул на унию в России. В 1827 г. он поставил вопрос о существовании союза с Римом части белорусской и украинской церкви в преломлении всеобъемлющих исторических интересов народов, эту церковь составляющих.

Народный взгляд на униатскую проблему определил представление прелата Иосифа о масштабе разрыва унии. Заявляя о возможности возвращения католиков восточного обряда к православному вероисповеданию, он, как следует из его воспоминаний, учитывал негативные последствия, сопровождавшие воссоединение в екатерининскую эпоху: 1) переход множества униатов в латинство, «так что число римских католиков едва ли там не удвоилось»[\[16\]](#); 2) необходимость вызова большого числа православных священников из внутренних областей России для замены отказавшихся присоединиться греко-католических духовных лиц, что отозвалось плохими последствиями, т.к. «как и должно было ожидать прибыли по большей части самые дурные»[\[17\]](#); 3) решительное сближение наиболее твердых униатов с латинянами[\[18\]](#). Это говорит о том, что, по мысли автора воссоединительного проекта, только сознательный добровольный переход абсолютно всех греко-католиков империи в господствующее исповедание (без давления извне, без искусственной прививки в виде призыва православного духовенства из внутренних регионов России) может в исторической перспективе означать успешное решение униатской проблемы. Поэтому изначально подразумевалось общее воссоединение униатов с Православием. Его подготовка должна была распространяться на всех греко-католиков, независимо от степени их полонизации и латинизации.

Предлагаемый Иосифом принцип осуществления общего воссоединения можно определить как иерархический. Он, очевидно, рассуждал следующим образом: униатский народ в силу своей естественной роли религиозной пасты, а также исторических, политических и экономических обстоятельств безгласен; униатские иерархия и духовенство ведут церковный корабль в губительную для народа сторону. Воздействовать на простых униатов не имеет смысла. Уния только тонкий налет на их самосознании. В своей глубине они сохраняют христианское мироощущение Восточной Церкви. Наиболее определенно владыка Иосиф выразил эту мысль несколько позже в адресованной обер-прокурору Св. Синода Н.А. Протасову записке от 1 декабря 1838 г. «Народ униатский, – писал он, – за весьма малым исключением, таков почти ныне, каков был до обращения его в унию»[\[19\]](#). Поэтому возвращать к духовным истокам необходимо не народ, а в большой степени переродившееся духовенство. Согласно мнению Иосифа, для разрыва унии было достаточно разбудить историческую память и возбудить религиозную неудовлетворенность униатских духовных лиц. Народ, который, по его мысли, «легко пойдет путем, пастырями своими указываемым»[\[20\]](#), и «повелевать насильственно совестию»[\[21\]](#) которого ни в коем случае нельзя, должен был оставаться в стороне.

Метод уничтожения унии, который предлагалось использовать, вытекал из личного опыта прелата Иосифа. Он слишком хорошо знал, какой узел интриг завязан вокруг этой церкви и внутри нее. Молодой униатский священник был уверен, что любые попытки направить унию к сближению с Православием, исходящие изнутри греко-католической церкви, неизбежно будут подавлены сторонниками растворения унии в польском латинстве. Поэтому он полагал, что начать процесс подготовки общего воссоединения должно правительство, используя законодательные возможности, силу власти и авторитета[\[22\]](#). Оно должно было поставить унию в такие правовые рамки, которые способствовали бы появлению среди униатского духовенства стремления к Православию. Проект должен был осуществляться системно, независимо от личностей. Для этого будущий Литовский святитель предлагал «все определить подробными правилами, дабы не оставить ни одного пути к уклонению, и возложить смотрение за исполнением оных не только на архиереев, но и на местные консистории и коллегии, под строгой ответственностью всех сих мест»[\[23\]](#). Здесь неясно кто должен был осуществлять контроль, но можно предположить, что это должен был быть некий обладающий достаточными полномочиями и средствами государственный орган.

В этом методе, который можно назвать системным, присутствовала изрядная доля бюрократического идеализма. Прелат Иосиф знал его недостатки. «Я столько уже видел распоряжений правительства по части католического исповедания, не достигших преднамеренной цели, – писал он, – что невольно опасаясь, дабы и сие не осталось втуне, по проискам интереса, ревностью к вере прикрываемого, и недосмотру местных властей»[\[24\]](#). Тем не менее он настаивал на использовании именно такого

подхода, поскольку, невзирая на сложности его реализации, в этом случае не требовалось опираться ни на иерархию, ни на одну из клерикальных группировок внутри греко-католической церкви. Это позволяло работать одновременно со всем духовенством, не опускаясь до репрессий. В результате будущий православный митрополит не говорит о необходимости дискриминации каких-либо кругов или высокопоставленных личностей. Он не настаивает на том, чтобы постепенно заменить латинствующий епископат, хотя свидетельствует: «Они все (униатские архиереи – А. Р.), сколько мне известно, будучи или по происхождению или по духу римлянами, не захотят искренно содействовать мерам, их предубеждению противным» [25]. Он предлагает сотрудничать со всеми, независимо от их личных стремлений и амбиций. Это касалось и базилианского ордена, который, по его мнению, «совершенно римским должен почитаться» [26]. В записке от 18 января 1828 г. «По предмету нового устройства греко-униатской церкви» Иосиф пишет: «В новом образовании греко-униатской церкви могли бы участвовать сами монахи...» [27]. Вообще целью его действий в отношении базилиан, как главных оппонентов, было: «Дабы униатские монахи были... строителями, а не разрушителями собственной церкви» [28].

Роль, которую прелат Иосиф отводил себе, полностью отвечала предлагаемым иерархическому принципу и системному методу. Он ставил себя в положение советника. Он не требовал властных полномочий, а только готов был давать Петербургу рекомендации, какими законодательными мерами он может добиться желаемых целей. Действовать, проявляя доселе невиданную осведомленность во внутренних униатских делах, должно было правительство. Во-первых, это позволяло достичь необходимого уровня секретности, или, выражаясь иначе, разумной доли негласности. Во-вторых, в этом случае в унии не появлялось фигуры, на которой неизбежно должно было сфокусироваться внимание и сконцентрироваться все противодействие враждебных сближению униатов с Православием сил.

Процесс разрыва церковного союза с апостольской столицей прелат Иосиф представлял следующим образом: вначале правительством создавались новые условия служения духовенства, а затем следовал длительный процесс его религиозного убеждения и перевоспитания. Церковный организм унии надлежало перестроить так, чтобы иметь возможность дать «посредством воспитания надлежащее направление умам духовенства» [29]. Объектом реформ были церковные институты. Смысл преобразований – поставить иерархию и клир в такие рамки, которые побудят их следовать не в прежнем направлении, согласно польскому и римо-католическому влиянию, а также личным пристрастиям и корпоративным интересам, но служить всеобъемлющей народной пользе. Конечным итогом реформ должно было стать искреннее убеждение духовенства в истинности Православия, и, как следствие, возрождение в его среде православного самосознания и духовной практики. Соответствующим образом оно повлияло бы на простой народ. Все это естественно и без насилия вело униатов к желанию присоединиться к господствующему вероисповеданию.

Полный список мероприятий, которые было необходимо осуществить правительству на первом этапе, сводились к вполне осуществимым пунктам. Во-первых, надо было ликвидировать униатский департамент Римско-католической духовной коллегии и основать отдельное высшее управление униатской церкви в виде Греко-униатской духовной коллегии. Во-вторых, целесообразно устроить административно-территориальное разделение приходов. Их необходимо было более равномерно и удобно перераспределить между епархиями и упразднить излишнюю Виленскую митрополичью кафедру. В-третьих, удалить местопребывание униатских епископальных центров «от римских кафедр и даже от мест в коих римляне господствуют» [30]. В-четвертых, отменить монашеское самоуправление, подчинив иночествующих правящим архиереям. В-пятых, ввести институт епархиальных консисторий и передать им права, принадлежавшие до того капитулам епархий, а также учредить соборное духовенство по кафедральным штатам в соответствии с православным образцом того времени. В-шестых, отменить награды духовным лицам в виде дистрикторальных крестов, получаемых из Рима, и распространить на униатских священников награды православными наперсными крестами, которые вместе с соответствующими пенсиями жаловались волей российского монарха. В-седьмых, повысить образовательный уровень и социальный статус клира и улучшить его материальное положение. Для этого учредить духовную академию, епархиальные семинарии и при монастырях необходимые низшие духовные училища, а также предоставить сыновьям духовенства возможность выходить из духовного звания и поступать в военную и гражданскую службу. В-восьмых, сократить число монастырей, сообразуясь с количеством монахов и общецерковными потребностями. Упразднению подлежали малонаселенные обители с передачей их храмов белому духовенству, а фундушей на содержание учреждаемых духовных школ. В-девятых, навести порядок в финансовой сфере, и добиться более рационального использования церковных средств. В-десятых, отменить право

презента или колляции. Тем самым пресекалось влияние на униатский клир помещиков-католиков, и укреплялась административная власть иерархии.

Предлагаемые правительству мероприятия вели к: 1) восстановлению канонической автономности унии в рамках Брестских униональных соглашений 1596 г.; 2) преодолению накопившихся во всех сферах жизни церкви проблем (их было очень много [31]); 3) максимально возможному ограждению греко-католиков от влияния латинского духовенства, помещиков-католиков и полонизированной шляхты; 4) приближению униатов к Православию в церковно-административной сфере.

Несложно заметить: с экклезиологической точки зрения осуществление первого этапа этого плана вело к укреплению униатской церковной общины. Подобные реформы были успешно осуществлены в конце XVIII в. в Австрии, благодаря чему уния там в исторической перспективе сохранилась. Преобразования по Австрийскому образцу в России пытался провести митрополит Ираклий Лисовский. Существенное отличие проектов Семашко и Лисовского заключалось в том, что владыка Иосиф предлагал решительно отделить униатов от римского духовенства и польских панов и направить их к Православию. Именно в этом таилась главная идея автора проекта. Давая характеристику преобразованиям, начатым в 1828 г., Литовский митрополит писал в воспоминаниях: «Нужно было прежде изъять униатов из-под власти римлян; разорвать слишком тесную связь, возникшую между первыми и последними; дать униатам некоторую самостоятельность и особое направление; ввести воспитание духовенства, способное возродить понятия и убеждения, свойственные Восточной их Церкви» [32].

Обращает на себя внимание то, что согласно плану не подразумевалось вмешиваться в вероучение, литургическую практику и сложившиеся традиции греко-католиков. Это владыка считал важным, но преодолимым со временем. Таким образом, согласно его представлениям, разрушение союза с Римом и возвращение белорусских и украинских униатов к духовным истокам должны были совершаться по мере всестороннего укрепления униатской общины без перемены внутренних сторон церковной жизни. Интересно как в его видении в этом направлении должны были работать предлагаемые мероприятия. Например, он убеждал правительство в следующем результате сокращения монастырей и передачи их храмов и фундушей белому клиру: «Более пятидесяти монастырей уничтожится, а тем самым более пятидесяти мест очистятся от политического и нравственного влияния католических монахов. Белое духовенство воспользуется знатным количеством приходов, монастырями содержимых, с фундушами, ежели не сами по себе, то в отношении к нынешнему бедному онго состоянию значительными, получит немаловажные пособия и преимущества и, уверившись в торжестве над враждебным себе орденом, тем более почувствует выгоды самобытного и от чуждого влияния свободного существования. Почти половина духовенства найдет в семинариях и духовных училищах безмездное для детей своих содержание и воспитание – и чувство благодарности усугубит приверженность онго к новому порядку вещей, и воспитание духовного юношества воспримет в полной силе благодетельное направление, которое онгому дать предполагается. Монахи также, имея оставленными знатнейшие и богатейшие монастыри, будут в опасении лишиться оных и, узнав на опыте, что прежнее поведение не много им принесло пользы, уверившись, что происки непокорства и самонадеянности остаются без действия, может быть, захотят, наконец, быть полезными отечеству и своему обряду и способствовать общему действованию новой системы» [33].

В целом же Иосиф рисовал Петербургу следующие перспективы: «Уничтожение излишних базилианских монастырей, преобразование монахов, учреждение епархиальных семинарий и духовной униатской академии, назначение кафедральных штатов, вместо столь от давна желаемых униатским духовенством римских капитулов, обеспечение консисторских штатов, новое устройство епархий, разделение коллегии и введение в униатскую церковь свойственного оной законоположения – все сии учреждения, одно за другим ныне же изданные, одно другому вспооществуя, при содействии благонамеренных и к общему благу усердных архиереев, в течение десяти или пятнадцати лет поставят униатскую церковь в положение, желательное для правительства и всякого истинного патриота» [34].

В итоге, по мысли будущего митрополита, только самостоятельная крепкая хорошо управляемая униатская церковная община могла в полном составе пойти на сближение с Православием, отказаться от союза с Римом и вернуться в свое древнее исповедание. Это со всей очевидностью доказывает: архиерей-воссоединитель не был церковно-политическим авантюристом, каким его пытаются изобразить прежние и нынешние апологеты Брестской унии. Он не советовал вмешаться в католическое вероучение греко-униатской церкви и канонически изолировать ее от апостольской столицы. Он не предлагал свести дело к ослаблению унии, чтобы сделать ее легкой добычей православных миссионеров. Его замысел возвращения части белорусской и украинской церкви к православному исповеданию заключался в том, чтобы подтолкнуть униатские епископат и клир к убеждению: только в Восточной Церкви хранится неповрежденная христианская Истина и

религиозный, а также исторический интерес народа состоит в возвращении в лоно Православия. Прелат Иосиф самостоятельно пришел к этому выводу и предлагал государственной власти организовать в унии такие условия, чтобы к нему пришло все греко-католическое духовенство. Вот в этом – создании условий для естественной и свободной эволюции греко-католиков в православных – и состояла общая концепция воссоединения.

Резюмируя сказанное необходимо заключить: выдвинутая молодым униатским священником Иосифом Семашко идея возвращения российских униатов в лоно Православной Церкви опиралась на высокие принципы и подразумевала использование чистых с религиозной и моральной точки зрения методов. Предложение разорвать союз части белорусской и украинской церкви с Римом через пробуждение в духовенстве религиозной неудовлетворенности и исторической памяти, отказ от репрессий в отношении оппонентов, глубокий народный взгляд на проблему и проч. – все это не может быть подвергнуто конструктивной критике. В свою очередь замысел разорвать союз с Римом через экклезиологическое укрепление греко-католической церковной общины открывает в Иосифе Семашко, в то время не достигшем даже 30-летнего возраста, огромный талант, если не сказать гениальность зрелого не по годам ума. Но путь от появления идеи до ее практического воплощения в жизнь всегда тернист и заставляет проводить «маневры на марше». Поэтому имеет смысл дополнительно сделать несколько замечаний.

К сильным сторонам первоначального плана можно отнести его взвешенность, осторожность и степень защиты от предполагаемого противодействия со стороны Рима, антиправославных и латинофильских кругов внутри унии, польского духовенства и общества в крае. Никто из них не мог ничего по существу возразить предлагаемым реформам в главном: с догматической, канонической и литургической точек зрения. При условии твердого и точного приведения в жизнь идей замысла все оппоненты проигрывали дело изначально. С их стороны можно было ожидать только неприятностей, которые не могли ничего изменить и остановить. Слабостью были изрядная доля идеализма в стиле эпохи Просвещения и очень большая надежда на светскую власть. Основа плана состояла в долгом религиозном убеждении униатских духовных лиц в истинности Православия. Успех здесь не мог быть гарантирован. Следовательно, было невозможно назвать не только более или менее точные сроки достижения результата (в 1828 г. Иосиф писал правительству, что на воссоединение по его плану понадобится 10 – 15 лет [35], что в категориях бюрократического мышления равносильно вечности), но и указать конкретный способ завершения воссоединения. О последнем в документах с 1827 по 1832 гг. нет ни слова, и это, очевидно, не связано с секретностью. При выбранном подходе слишком трудно и самонадеянно было бы говорить более конкретно. Но что еще важнее, эволюция греко-католиков империи в сторону господствующего исповедания должна была быть инициирована, а в дальнейшем прикрыта последовательной политикой правительства. Ему предлагалось реформировать унию, всесторонне экклезиологически ее усилив, а затем неопределенное время терпеливо ожидать плодов реформ. Такое требование к российской власти предъявлять было очень смело. До этого времени российские монархи и чиновники на местах не отличались последовательностью во взаимоотношениях с католиками и униатами. Мало того, никаких критериев, по которым можно было бы судить об успехе или провале реализуемого проекта, обозначено не было. Не было понятно также, кто должен был убеждать униатских священников отказаться от унии. Мысль, что их стремление к Православию появиться само собой без прямого воздействия вряд ли могла воодушевить кого-либо в правительстве. В итоге, анализ предложения будущего архиерея-воссоединителя приводит к выводу: борьба против союза части белорусской и украинской церкви с Римом должна была разгореться не там, где ее стараются увидеть большинство историков. Главным препятствием на пути уничтожения унии являлась российская власть. Самым сложным было добиться от нее решительности твердости и последовательности. Вторым препятствием были религиозные убеждения униатского духовенства. Никто не мог поручиться, что с помощью предлагаемых действий всех этих людей можно привести к убеждениям, самостоятельно приобретенным автором воссоединительного проекта.

Предложение прелата Иосифа разорвать унию вызвало живую заинтересованность Николая I. На записку от 5 ноября 1827 г., включенную в доклад главного управляющего духовными делами иностранных исповеданий Г.И. Карташевского, император наложил пространную резолюцию: «Я радуюсь, что случайно нашел в униатской церкви человека, который может быть способен помочь нам в деле, которым непрестанно занимаюсь и с помощью Божией приведу в исполнение. Вы можете ему объявить, что я весьма доволен, что его узнал» [36]. Выражением особого благоволения монарха стало награждение Иосифа наперстным бриллиантовым крестом с формулировкой «за отличные способности, ревность и примерное благонравие» [37]. Но главное, конечно, заключалось не в приятных для Семашко словах, а в том, что император сразу же начал приводить воссоединительный проект в действие. Отсюда следует, что он полностью воспринял предложенную будущим архиереем-воссоединителем концепцию уничтожения унии, несмотря на очевидный заложенный в ней

либеральный подход, весьма этим самодержцем не одобряемый. Это говорит о гибкости Николая I при принятии решений. Император поручил заниматься подготовкой воссоединения товарищу министра народного просвещения Д.Н. Блудову. Блудов внимательно изучил предложение Семашко, отозвался о нем с энтузиазмом и выразил горячее желание поспособствовать уничтожению унии. В своем докладе царю он писал об авторе проекта: «Виден человек, который по, своим способностям, чувствам и самому званию может быть употреблен правительством с великою пользою для великого и святого дела. Ревность его к древней восточной церкви и к России можно смело назвать нелицемерною: в нем явно играет кровь русского киевлянина» [38].

На первый взгляд благожелательное отношение высшей власти делало успешное осуществление предложенного прелатом Иосифом плана уничтожить унию predetermined. Однако на практике первоначальный план ликвидации унии оказался реализован лишь наполовину. Владыке Иосифу к 1830-му г. удалось при полной поддержке императора Николая Павловича в тесном сотрудничестве с Д.Н. Блудовым добиться реформирования церковного организма унии в духе записки от 5 ноября 1827 г. Эти преобразования создали церковно-административную базу для обеспечения постепенного перерождения униатского клира в православный. Вместе с тем в процессе реализации замысла выяснилось, что император, восприняв общую концепцию воссоединения униатов с Православием, по разным причинам не сумел подвести под проект адекватный его масштабу организационный фундамент. Он состоял в курировании подготовки разрыва унии одним ответственным лицом – Д.Н. Блудовым, являвшимся в то время чиновником далеко не самого высокого ранга. Этого для разрыва унии было явно недостаточно. Более того, Блудов не нашел нужным выступить с предложениями организационного характера. А они были необходимы. Прежде всего, столь масштабному проекту требовался конкретный, если так можно выразиться, оперативный план осуществления. Предложения Иосифа Семашко, описанные в записке от 5 ноября 1827 г. таким планом не являлись и не могли им быть. Планом их можно назвать только условно, в широком смысле. Это было описание замысла с общим указанием основных действий. Не более того. Настоящий план должен был предусматривать неуклонное поэтапное достижение намеченной цели; описывать обязанности ответственность и взаимодействие необходимых для проекта властных структур империи; устанавливать последовательность мероприятий, их хронологические и проч. рамки и т.д. Так вот такого плана составлено не было, что закладывало под проект мину замедленного действия, поскольку не соблюдался положенный прелатом Иосифом в основание проекта системный метод, а, следовательно, все дело оказывалось в слишком большой зависимости от личностей и разного рода обстоятельств. Такие обстоятельства не замедлили появиться. Польское восстание 1830-31 гг. создало внутри и вокруг унии новые условия, которые сделали дальнейшее приведение в жизнь первоначального плана уничтожения греко-католицизма в России невозможным. Это не заставило епископа Иосифа Семашко, убежденного противника унии, отступить, но вынудило его на ходу менять планы, не только предлагая высшей власти другие варианты достижения результата, но и выходя из первоначально определенных им для себя рамок советника правительства.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Бендин, А. Религиозная толерантность в Российской империи как этнообразующий и консолидирующий фактор (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А. Бендин // Кафоликия: сборник научных статей / под ред. А.В. Данилова. – Минск: Тессей, 2003. – С. 96 – 109. – С. 97.

[2] Редким исключением в этом отношении был сам император Николай Павлович, который был хорошо знаком с цивилизационной ситуацией в западных губерниях (Труайя, А. Николай I / А. Труайя. – Москва: Издательство Эксмо, 2002. – 224 с. – С. 99).

[3] В воспоминаниях Ф.Ф. Вигеля есть место, где утверждается, что Николай I не только хотел ликвидировать унию, но и вел об этом разговоры в своем ближайшем окружении (Вигель, Ф.Ф. Записки: в 7 ч. – Москва: Издательство Русского архива, 1891–1893. – Ч. 1–7. – С. 137). Этот рассказ не выдерживает критики ни с фактологической точки зрения, ни по своему духу. Поэтому принять его на веру трудно. Но даже если этот рассказ отражает действительность, то он свидетельствует лишь о том, что, несмотря на большое желание ликвидировать унию, у высшей власти империи не существовало концептуальной идеи, как этого добиться.

[4] Например, такие авторы как М. Носко, С. Морозова, А. Цвикевич и др. полагают, что в конце 1820 гг. Семашко и его сподвижники стремились только к укреплению унии и защите ее от польского влияния

(Носко, М. Униатская церковь в начале XIX века и подготовка к воссоединению с Православием: дисс. ... канд. богословия / М. Носко, Московский Патриархат; Белорусская Православная Церковь; Минская Духовная Академия им. Свт. Кирилла Туровского, каф. Церковной Истории. – Жировичи, 2000. – 158 с. – С. 68; Марозава, С.В. Унияцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596-1839 гады) / С.В. Марозава; пад навук. рэд. У.М. Конана. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 352 с. – С. 85 – 86; Цвікевіч, А. «Западно-руссизм»: нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў пачатку XIX і пачатку XX в. / А. Цвікевіч. – 2-е выд.; пасляслоўе А. Ліса. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с. – С. 146–147, 151).

[5] Романчук, А., священник. Митрополит Иосиф (Семашко): теоретические предпосылки деятельности по ликвидации унии / А. Романчук, священник // Дабраверны князь Канстанцін (Васілій) Астрожскі – славыты асветнік і абаронца праваслаўя: зборнік матэрыялаў Міжнароднай навукова-багаслоўскай канферэнцыі, Тураў, Брэст, 11 – 12 мая 2008 г. – Брэст: БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2011. – С. 150 – 160.

[6] Иосиф, (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: в 3 т. / И. Семашко, митрополит. – Санкт-Петербург: Типография императорской Академии Наук, 1883. Т. 1.– С. 398.

[7] Коялович, М.О. О почившем митрополите Литовском Иосифе / М.О. Коялович. – Санкт-Петербург: Типография Департамента Уделов, 1869. – 54 с. – С. 13.

[8] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковию в 1839 г. / Г.Я. Киприанович. – изд. 2-е испр. и доп. – Вильна: Типография И. Блюмовича, 1897. – 613 с.: 3 вкл. л. портр. – С. 60.

[9] Иосиф, (Семашко), митрополит. Указ. соч. Т. 1. – С. 393.

[10] Там же. – С. 55.

[11] Там же. – С. 392 – 393.

[12] Там же. – С. 393.

[13] Там же. – С. 388.

[14] Там же. – С. 393.

[15] Там же. – С. 398.

[16] Там же. – С. 51.

[17] Там же. – С. 51.

[18] Там же. – С. 51.

[19] Иосиф, (Семашко), митрополит. Указ. соч. Т. 2. – С. 79.

[20] Иосиф, (Семашко), митрополит. Указ. соч. Т. 1. – С. 394.

[21] Там же. – С. 388.

[22] Это было вполне в духе представлений владыки Иосифа о соотношении в жизни народов духовного элемента и светской власти. В частности в записке от 5 ноября 1827 г. он, по-видимому, предполагая, что представители правительства проявят политически обоснованные опасения и не откликнутся на его предложения, прямо заявлял, что власть в заботе о всеобъемлющем благе подданных не имеет права отказываться от решения духовных проблем. «Без сомнения, – писал он, – всякое благонамеренное правительство долгом поставляет стараться: насадить в сердцах подданных своих единодушие к общим пользам (в данном контексте имеется в виду религиозное единодушие – А. Р.), любовь к общему отечеству»(Иосиф, (Семашко), митрополит. Указ. соч. Т. 1. – С. 394).

[23] Иосиф, (Семашко), митрополит. Указ. соч. Т. 1. – С. 397 – 398.

[24] Там же. – С. 394.

[25] Там же. – С. 397.

[26] Там же. – С. 395.

[27] Там же. – С. 486.

[28] Там же. – С. 518.

[29] Там же. – С. 394.

[30] Там же. – С. 396.

[31] Романчук, А., священник. Греко-католическая церковь в пределах Российской империи в первой трети XIX в.: проблемы и перспективы / А. Романчук, священник // Церковно-исторический вестник. – 2008. – №15. – С. 56 – 83.

[32] Иосиф, (Семашко), митрополит. Указ. соч. Т. 1. – С. 55.

[33] Там же. – С. 484 – 485.

[34] Там же. – С. 487 – 488.

[35] Там же. – С. 487 – 488.

[36] Толстой, Д.А. Иосиф, митрополит Литовский и воссоединение униатов с православной церковью в 1839 г. / Д.А. Толстой. – Санкт-Петербург: Печатня В. Головина, 1869. – 71 с. – С. 19.

[37] Иосиф, (Семашко), митрополит. Указ. соч. Т. 1. – С. 556.

[38] Коялович, М.О. Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Академиею наук по завещанию автора. Три тома / М.О. Коялович. – Санкт-Петербург: Типография «Журнала Министерства народного просвещения», 1884. – 12 с. – Прил.: Записки Д.Н. Блудова и письмо к нему М.Н. Муравьева об ускорении дела воссоединения. – С. 13.